

Отзыв

официального оппонента о диссертации Дмитрия Михайловича Савинова
«Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах» (М., 2013),
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

К настоящему времени наука накопила достаточно большой материал, который дает представление о вокалических системах, сформировавшихся на том пространстве распространения русского языка, которое принято называть Южнорусским наречием. В русской диалектологии давно назрела необходимость в обобщающем комплексном исследовании этих систем при помощи современных лингвистических методов и с учетом последних достижений фонетики. Подобное обобщающее исследование позволило бы нам понять механизмы и причины формирования структурно-типологического разнообразия в оформлении предударного вокализма, которое имеет место в южнорусских вокалических системах. Такое исследование предполагает критическую оценку, а в ряде случаев и пересмотр существующих точек зрения на то, как возникли разные типы аканья/яканья. Задача эта предполагает как структурно-типологическое описание систем южнорусского вокализма, так и реконструкцию их генезиса, разумеется, не выполнима в рамках одной работы, и представленная на соискание докторской степени исследование Д. М. Савинова вносит существенный вклад в решение этой задачи. Сказанным определяется **актуальность, новизна и теоретическая значимость** обсуждаемой диссертации.

Композиция диссертации Д. М. Савинова хорошо подчеркивает главную цель исследования: реконструировать эволюцию южнорусских вокалических систем, прежде всего смену моделей предударного вокализма в говорах, которые он вслед за многими исследователями считает «первично акающими». Каждая глава работы начинается с описания современного состояния вокализма говоров и завершается диахронической интерпретацией

этого синхронного состояния, что в методологическом отношении представляется совершенно оправданным. Для достижения этой конечной цели исследования – реконструкции эволюции предударного вокализма южнорусских говоров – Д. М. Савинов сначала выявляет взаимосвязь между типами ритмической структуры слова и типами безударного вокализма в говорах, затем рассматривает системы ударного вокализма и только после этого дает описание моделей предударного вокализма и их диахроническую интерпретацию.

Автор совершенно справедливо считает необходимым учитывать просодические характеристики слова и фразы для понимания фонемной структуры словоформы и ее эволюции. Он выдвигает гипотезу, согласно которой редуцированные модели южнорусских говоров и их динамика коррелируют с ритмическими моделями, характерными для соответствующих говоров. Этим проблемам посвящена первая глава диссертации – «Ритмическая структура слова в южнорусских говорах».

Опираясь на работы предшественников, прежде всего, З. Д. Альмухамедовой, Л. Э. Кульшариповой и Р. Ф. Касаткиной, автор выделяет в русских диалектах три основные инвариантные ритмические модели: «волнообразный» контур (2-1-3-1-2), контур «сильный центр и слабая периферия» (1-2-3-1-1 или 1-3-3-1-1) и «совмещенный» контур (2-1-2-3-2-1 или 1-2-1-3-1-2 в зависимости от качества ударного гласного). Выделение этих контуров удачно иллюстрируется спектрограммами, осциллограммами и огибающими интенсивности. В южнорусских говорах представлены два ритмических контура – «сильный центр и слабая периферия» и «совмещенный», который совмещает черты двух других. Однако исторически они выстраиваются в несколько ином порядке: «волнообразный» > «совмещенный» > «сильный центр и слабая периферия». Наиболее архаический контур – *волнообразный* – сохраняется в некоторых севернорусских говорах (а также в отдельных славянских языках) и предположительно был характерен для ритмической структуры слова в древнерусском языке, праславянском и чуть ли не в

раннем праиндоевропейском. Таким образом, в диахронической перспективе *волнообразный* контур сменяется *совмещенным*, а последний преобразуется в модель «сильный центр и слабая периферия». Если учесть, что *совмещенная* модель представлена в юго-западной диалектной зоне, для которой характерно диссимилятивное аканье, а модель «сильный центр и слабая периферия» – в юго-восточной, где господствует сильное аканье, получается, что диссимилятивное аканье исторически сменяется сильным аканьем.

При этом Д. М. Савинов полагает, что в целом первичной в этих преобразованиях является именно ритмическая структура слова, которая и определяет тип вокализма. Вместе с тем автор показывает сложность взаимодействия сегментного и супraseгментного уровней. Так, говоря о развитии архаических типов диссимилятивного аканья/яканья (глава третья «Архаические типы диссимилятивного аканья и яканья»), Д. М. Савинов отмечает, что на первом этапе формирования диссимилятивного вокализма происходила нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема (процесс фонологический). Это способствовало перестройке ритмической модели слова (становление *совмещенного* контура, сопровождавшегося усилением гласного 1-го предударного слога: 2-1-3-1-2 > 2-1-2-3-2-1), что в свою очередь привело в действие диссимилятивный механизм. К проблеме выделения двух этапов формирования аканья я еще вернусь в конце отзыва, но вывод Д. М. Савинова о решающей роли ритмической модели слова в становлении диссимилятивного аканья следует признать обоснованным.

Один из разделов первой главы (с. 73–93) посвящен проблеме происхождения гдовского и полновского аканья (или в терминологии автора – неполного оканья). Обращение к предударному вокализму северо-западных говоров понадобилось автору для объяснения перехода от неполного оканья к сильному аканью, что, по его мнению, было обусловлено ритмико-просодической организацией словоформы в псковских говорах. Использование понятия ритмического контура позволило Д. М. Савинову пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой гдовский и полновский типы

вокализма образовались в результате наложения на оканье принципа диссимильности, и по-новому объяснить происхождение этих типов предударного вокализма, связав их возникновение с модификацией просодического контура.

Особо отмечу, что в целом первая глава, посвященная изучению ритмических моделей словоформы и их влиянию на формирование типов предударного вокализма южнорусских говоров, является существенным достижением Д. М. Савинова, а связанные с этой проблематикой положения автора диссертации, вынесенные на защиту, представляются мне обоснованными.

Во второй главе «Системы ударного вокализма в южнорусских говорах» главное внимание уделено гласным среднего и средне-верхнего подъема, которые особенно важны для понимания разных типов редуционных моделей. Автор приходит к выводу, что в архаических южнорусских говорах до сих пор сохраняются системы вокализма с четырьмя ступенями подъема, т. е. с противопоставлением фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Весьма ценными являются наблюдения Д. М. Савинова над тем, как в исследованных им говорах реализуются соответствующие фонемы. В работе показано, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ѡ/ являются «восходящие дифтонги» [иѣ] и [уѡ]. По длительности первый и второй компоненты этих дифтонгов могут быть примерно одинаковыми, хотя интенсивность приходится на второй компонент дифтонга. В тех случаях, когда первый компонент звукового комплекса составляет около 30% длительности, автор говорит о *дифтонгоидах*. Представляется, однако, что если интенсивность приходится на второй компонент дифтонга, мы все-таки имеем дело с дифтонгоидами, которые Л. В. Щерба называл «ложными дифтонгами». В полном смысле «равновесных» (по Есперсену) или «истинных» (по Щербе) дифтонгов, судя по всему, южнорусские говоры не знают. Во всяком случае Д. М. Савинов такого материала как будто не приводит. По мере углубления в артикуляторно-акустические характеристики реализаций гласных фонем выясняется, что фонемы /а/ и /у/ также могут реализоваться «дифтонгами» (с. 170, 173), причем не только по-

сле мягких согласных. С другой стороны, Д. М. Савинов отмечает, что иногда фонемы /ѣ/ и /ѡ/ могут реализовываться дифтонгоидами [уѡ̣] и [иѣ̣] со столь незначительным изменением тембра, что на слух такие гласные воспринимаются как «монофтонги». В результате различие между *дифтонгами*, *дифтонгоидами* и *монофтонгами* окончательно размывается. Впрочем, это не самая важная проблема. Гораздо существеннее другое: в исследуемых говорах наблюдается столь высокая степень вариантности реализаций гласных фонем, что возникает вопрос, можно ли быть уверенным, что в том или ином говоре вообще сохраняется противопоставлением фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Надо отдать должное автору: Д. М. Савинов учитывает эту проблему и особо обсуждает вопрос о том, как можно верифицировать наличие или утрату противопоставления фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ в говоре (с. 99–101), однако во многих конкретных случаях вопрос остается открытым, и читателю работы приходится довериться интуиции исследователя.

Следует положительно оценить то, что Д. М. Савинов уделяет значительное внимание также способам реализации фонем /е/ и /о/, что отнюдь не всегда делается в диалектологических работах. Важным результатом исследования необходимо признать вывод о том, что при наличии широкого спектра разных звукотипов, реализующих эти фонемы, основными их реализациями в южнорусских говорах являются монофтонги среднего подъема [е] и среднего-нижнего подъема [ѡ] (с. 141), что свидетельствует об отсутствии симметрии в системе вокализма (см. схемы на с. 102–110). Из этого, между прочим, вытекает важный вывод об отсутствии полного параллелизма в эволюции фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Однако, по наблюдению автора работы, в ряде говоров проявляется тенденция к выравниванию подъема фонем /е/ и /о/, которую Д. М. Савинов трактует как тенденцию к симметричности системы.

Ударный вокализм представляет интерес для автора не столько сам по себе, сколько потому, что качество ударного гласного в значительной степени определяло специфику различных типов предударного вокализма в южнорусских говорах. С этим связано обращение Д. М. Савинова к диахрониче-

скому аспекту системы гласных. В работе достаточно подробно обсуждается аллофоническая реконструкция древнерусских фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Автор принимает гипотезу А. А. Шахматова о том, что в древнерусском фонемы /ѣ/, а также /ѡ/ реализовывались гласными неоднородного тембра [и̯е̯] и [у̯о̯]. Против этого трудно возражать в принципе, т. к. гласные (особенно долгие, но и не только долгие) часто бывают неоднородными в артикуляционно-акустическом отношении, но вряд ли можно согласиться с автором, что материал южнорусских говоров «полностью подтверждает» такую реконструкцию (с. 181). В лучшем случае этот материал ей не противоречит. Сам Д. М. Савинов в другом месте своей работы и по другому поводу, критикуя другого исследователя, совершенно справедливо замечает: «Было бы некорректным проецировать закономерности, характерные для современных диссимилятивно акающих говоров, на прошлые состояния этих диалектных систем и утверждать, что определяющим при формировании диссимилятивного аканья были именно качественные, а не количественные связи» (с. 221). Праязыковые аллофонические реконструкции дело почти безнадежное, и мы, конечно, не можем узнать, как звучали древнерусские гласные. Реконструкции поддаются лишь фонемных противопоставления. Что касается шахматовского подхода к таким реконструкциям, как не вспомнить слова А. И. Соболевского из его рецензии на докторскую диссертацию А. А. Шахматова «Исследования в области русской фонетики»: «Изложение г. Шахматова отличается полной своеобразием. Автор не доказывает, не объясняет, а как бы изрекает. Читатель находит у него аксиому, не требующую доказательств и ясную саму по себе, и затем ряд данных, иногда плохо разгруппированных, и всегда не определенных в своем достоинстве и значении. ... А между тем на этих аксиомах зиждется все здание г. Шахматова! Как будто общеславянский язык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, все эти *ö, ä, ie*, этот более чем странный «слог с неслоговым ъ» могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд» (ЖМНП. 1894. № 4. С. 421–434). Я, конечно, далек от мысли, что А. И. Соболевский критиковал Шахматова с фонологических позиций, но подход последнего к фонетическим реконструкциям он подметил верно.

Кроме гипотезы А. А. Шахматова, автор берет на вооружение и гипотезу Л. Л. Касаткина, что и древнерусские фонемы /e/ и /o/ реализовались дифтонгами, а именно нисходящими дифтонгами [ẽi] и [õy]. При этом, видимо, предполагается, что фонемы /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ различались не признаком подъема, а характером скольжения. Д. М. Савинов полностью разделяет идеи Л. Л. Касаткина о том, что перестройка старорусского вокализма происходит в процессе «монофтонгизации дифтонгов»: сначала монофтонгируются /e/ (т. е. [ẽi] > [e]) и /o/ (т. е. [õy] > [o]~[ɔ]), потом /ѣ/ (т. е. [ĩe] > [ẽ]) и /ѡ/ (т. е. [ỹo] > [ɔ]). Если я правильно понял автора диссертации, фонологический смысл этого процесса заключается в том, что *корреляция скольжения* (противопоставление восходящих и нисходящих дифтонгов) заменяется *корреляцией по подъему* (противопоставлением гласных средневерхнего и средненижнего подъемов). Д. М. Савинов считает, что причинными этой «монофтонгизации дифтонгов» являются: 1) якобы общая неустойчивость дифтонгов как сочетаний звуков и то, что монофтонгизации вообще часто происходят в языках (со ссылками на В. Н. Чекмана); 2) тенденция к уменьшению напряженности артикуляционной базы (идея Л. Л. Касаткина). Следует, однако, заметить, что разного рода дифтонгизации тоже довольно часто происходят во многих языках. Когда речь идет о монофтонгизациях (и дифтонгизациях) важно различать случаи, в которых монофтонгизация сопровождается монофонемизацией, т. е. бифонемный дифтонг превращается в одну фонему (такой процесс был пережит праславянским языком между первой и второй палатализациями), и случаи, когда происходит изменение в реализации фонемы, т. е. аллофонное изменение («монофтонгизации дифтонгов» в русских диалектах). Представляется, что праславянские монофтонгизации бифонемных дифтонгов и «монофтонгизации» монофонемных «дифтонгов», о которых говорят Л. Л. Касаткин и Д. М. Савинов, совершенно разные по своей природе и никак друг с другом не связанные процессы.

«Монофтонгизация дифтонгов» (во втором смысле), вызванная тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы, вследствие дей-

ствия этой же тенденции приводила и к нейтрализации фонем /ѣ/:/е/, /ѡ/:/о/, поскольку в результате монофтонгизации происходила перестройка вокализма и формирование системы с четырьмя степенями подъема, а это в свою очередь увеличивало напряженность артикуляционной базы. По мнению Д. М. Савинова, оппозиция фонем /ѣ/:/е/, /ѡ/:/о/ сохранялась прежде всего в тех южнорусских говорах, в которых фонемы /ѣ/, /ѡ/ продолжали оставаться дифтонгами, а также там, где сохраняется напряженная артикуляционная база (это некоторые северо-восточные – вологодско-вятские, а также юго-западные – калужские говоры) (с. 185).

Следующие четыре главы диссертации посвящены собственно анализу предударного вокализма южнорусских говоров. В них подробно рассматриваются типы архаического аканья и яканья (глава третья), щигровский, дмитровский и суджанский типы диссимильятивного яканья и прохоровский тип диссимильятивного аканья (глава четвертая), диссимильятивно-умеренный и умеренный типы яканья и белёвский тип диссимильятивного аканья (глава пятая), и наконец ассимильятивно-диссимильятивные типы аканья и яканья (глава шестая). Все главы строятся по одному принципу: сначала дается описание систем предударного вокализма, а потом его диахроническая интерпретация, т. е. происхождение и дальнейшее развитие в современных говорах.

Важным достоинством тех разделов, которые посвящены предударному вокализму, является учет автором сильных и слабых фразовых позиций при определении вариативности гласных в позиции первого предударного слога, внимание исследователя к мельчайшим деталям звукового окружения, влияющего на реализацию безударных гласных. Однако фонологический анализ предударного вокализма в ряде случаев вызывает вопросы. Так, Д. М. Савинов отмечает, что «архаическая система предударного вокализма может проводиться значительно более последовательно, чем различие под ударением семи гласных фонем, то есть фонетический контраст между формами типа *больно́й* (старик) – *больно́й* (старухи) может создаваться за счет гласных 1-го предударного слога» (с. 218). Если речь идет о формах [бэ]льно́й старик –

[ба]льнóй старухи, то, видимо, либо в говоре фонологизуется противопоставление фонем /ə/:/a/, либо сохраняется противопоставление /o/:/ω/, которое отражается в аллофонном варьировании фонемы /a/ 1-го предударного слога (это в моем понимании фонема /a/, с позиций МФШ – это фонема /o/), хотя, возможно, имеет место и то, и другое. Было бы интересно узнать мнение Д. М. Савинова, насколько такая фонологическая интерпретация представляется ему возможной.

Выскажу попутно еще одно замечание. В работе очень широко используется термин *звукотип*. Это и не «звук языка», и не «звук речи», и не *фонема* (причем ни «московская», ни «пражская», ни «петербургская»), но и не *звукотип* в обычном понимании. Фактически термин «звукотип» употребляется в диссертации для обозначения какого-то неопределенного понятия. Так, Д. М. Савинов говорит о звукотипе «не-[а]», который имеет множество акустических воплощений ([ə], [ạ], [ы] и др.) (с. 195 и др.). В другом месте говорится о том, что «звук [e] перестает быть отдельным звукотипом и функционально объединяется с гласным [a] в звукотипе не-[и]» (с. 344), что наводит на мысль о звукотипе как функциональной единице языка наподобие фонемы. Разве возможны звукотипы «не-[а]», «не-[и]» и т. п., характеризующие отрицательно? Обычно понятие звукотипа используется фонетистами как всего лишь удобный и практичный способ представления реализаций фонем того или иного конкретного языка. Во-первых, звукотип не может быть определен отрицательно, во-вторых, он ни в коем случае не является языковой единицей (см. соображения на этот счет в статье Л. Р. Зиндера «Критика понятия "звукотип"» 1989 г.; переиздана в кн.: Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. М.-СПб., 2007. С. 430–434). Читатель диссертации, конечно, догадывается, что скрывается за термином звукотип у Д. М. Савинова, но это явно не то, что принято понимать под этим термином в фонетике.

В разделе 4.5 главы четвертой, посвященном диахронической интерпретации щигровского, дмитриевского и суджанского диссимилятивного яканья, Д. М. Савинов дает тонкий анализ лексических и грамматических

факторов, которые привели к выравниванию основ и возникновению этих типов на основе обоянского архаического яканья. Однако трудно согласиться с автором, что сохранение чередования /и//а/ перед /о/ в пределах парадигмы ([с'а]ло – [с'и]лом, [с'и]дой – [с'а]дого) «противоречит общей тенденции грамматического развития в русском языке – к усилению аналитизма, которая выражается «в стремлении к сохранению единообразного вида морфемы» (с. 260). Все-таки русский язык с его развитой системой морфонологических чередований гласных и согласных фонем вряд ли можно рассматривать как язык, которому свойственна «тенденция к сохранению единообразного вида морфемы», а кроме того, непонятно, какое это может иметь отношение к усилению аналитизма, если флексии остаются на месте.

В пятой главе рассматривается проникновение принципа умеренности в диссимильтивный механизм аканья и формирование диссимильтивно-умеренного и умеренного типов яканья. Подробный анализ этих разновидностей яканья позволил Д. М. Савинову оспорить вывод Н. Н. Дурново, Н. Б. Париковой и других ученых, что принцип умеренности был привнесен в южнорусский вокализм тульских говоров извне – из севернорусских или среднерусских говоров. Д. М. Савинов обнаруживает диссимильтивную основу тульского умеренного яканья и полагает, что толчком к развитию зависимости вокализма предударного слога от твердости/мягкости следующего согласного послужила межслоговая ассимиляция гласных по ряду в системе архаического диссимильтивного яканья, которое было основой диссимильтивно-умеренного и умеренного яканья. В целом такая интерпретация достаточно хорошо обоснована и находит поддержку в исследованном материале. Однако причиной самой межслоговой регрессивной ассимиляции, по мнению Д. М. Савинова, стала монофтонгизация дифтонгов, т. е. «распространение под ударением гласного верхне-среднего подъема [е] на месте дифтонга [иѐ]» (с. 323). В связи с этим возникает вопрос, почему межслоговая регрессивная ассимиляция не происходила перед дифтонгом [иѐ] до монофтонгизации, тем более

что позднее регрессивная ассимиляция перед ударным [и] и дифтонгом [иу] все-таки происходила (с. 323–324).

Говоря о системе предударного вокализма умеренного яканья, Д. М. Савинов особо настаивает на том, что умеренное яканье следует рассматривать как «фонологическую модель». Автор приводит ряд аргументов, которые должны обосновать данный тезис, однако, что такое «фонологическая модель» и чем она отличается от «фонетической модели» (если можно говорить о таковой), остается неясным. Видимо, речь идет о том, что умеренное яканье сформировалось в результате действия фонологического фактора (см. п. 9 положений, вынесенных на защиту), а именно, развития корреляции по твердости/мягкости: распределение гласных предударного слога происходило не в результате ассимилятивных фонетических процессов, а в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного. Если я правильно понял мысль Д. М. Савинова относительно «фонологической модели», то тогда слишком сложным образом, по-моему, он объясняет «аномальные» формы типа *т[’имн’]ётъ*, *з[’имл’]ёй* и т. п. с [и], а не с [’а] перед твердым согласным, за которым следует мягкий. Видимо, во время формирования умеренного яканья первый согласный был еще мягким, что было следствием действия старой – еще праславянской – тенденции к внутрислоговому сингармонизму, которая сохраняла актуальность еще какое-то время и после падения редуцированных. Позднее первый согласный сочетания отвердел, но это уже не повлияло на гласный предшествующего слова, т. к. формирование умеренного яканья к этому времени уже завершилось. Кстати, похожим образом В. Н. Сидоров объяснял отсутствие перехода /e/ > /o/ таких словах, как – *набедренник* (но *бёдра*), *сестрин* (но *сёстры*), *теплится* (но *тёплый*), *дешёвый* (но *дешевле*), *шепчет* (но *шепот*) и т. п. Но такая трактовка аномальных форм умеренного яканья в известном смысле противоречит выводу Д. М. Савинова о том, что именно «с синхронной точки зрения систему умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель» (с. 315). Для представителя Щербовской фонологической школы здесь нет проблемы:

при умеренном яканье в 1-м предударном слоге в зависимости от твердости/мягкости следующего согласного чередуются фонемы /a/||/и/, при архаическом диссимилятивном яканье – эти же фонемы чередуются в зависимости от подъема гласного следующего слога. (Замечу в скобках, что для представителя Щербовской фонологии, наоборот, проблемой будет фонемная принадлежность звуков в безударной позиции.) Поскольку и в том, и в другом случае речь идет о чередовании фонем, возможны отклонения от первоначального распределения, вызванные морфонологической индукцией форм и более поздними фонологическими изменениями (например, утратой фонем /Ъ/ и /ω/, после чего фонетический принцип диссимилятивности перестал действовать). Само же первоначальное распределение, конечно, отражало «фонологическую модель». А вот при диссимилятивном аканье распределение «звукотипов» [a] и [э] в зависимости от подъема гласного в следующем слоге отражает аллофонное варьирование фонемы /a/ и не представляет фонологической модели, а значит, и не осознается диалектоносителями (т. е. для них это один «звук»). Впрочем, защита диссертации по русской диалектологии не представляется мне подходящим местом для дискуссии, связанной с различиями между фонологическими школами.

Итак, согласно концепции, предложенной в диссертации Д. М. Савинова, практически все разновидности аканья/яканья, в том числе умеренное, ассимилятивно-диссимилятивное, которое подробно рассматривается в последней главе диссертации, и сильное, в конечном счете восходят к архаическому диссимилятивному аканью/яканью. Это вполне соответствует широко распространенным в русской диалектологии взглядам. Однако автор диссертации, как уже было отмечено, не считает, что представленный в этом архаическом типе диссимилятивный механизм был первичным. И это совершенно справедливо, поскольку архаическое диссимилятивное аканье/яканье стало называться «архаическим» главным образом потому, что в нем различаются фонемы средневерхнего и средненижнего подъемов, т. е. его архаичность связана с ударным, а не безударным вокализмом.

Д. М. Савинов считает, что диссимильтивный вокализм в своем развитии прошел два этапа: «первый – нейтрализация безударных гласных неверхнего подъема, второй – формирование новой системы зависимости между ударным гласным и безударными гласными» (с. 219). Но что с фонологической точки зрения представляет собой первый этап? Почему это этап развития диссимильтивного вокализма? Ведь на этом первом этапе, судя по всему, возникает не что иное, как система с недиссимильтивным аканьем и сильным яканьем, из которых в принципе могут быть выведены все другие разновидности аканья/яканья. Взгляд на недиссимильтивное аканье/яканье как исходный тип безударного вокализма представлен в науке (см. работы Н. ван Вейка, О. Б. Курило, в какой-то степени Ф. П. Филина и др., из современных исследователей С. В. Князева). Эта точка зрения получает дополнительную поддержку с позиций лингвистической географии: согласно ее принципам, архаизмы (в нашем случае это недиссимильтивное аканье и сильное яканье) находятся на периферии ареала (псковская группа, восточные южнорусские говоры и юго-западные белорусские говоры), а инновации (диссимильтивное аканье/яканье) в центре (говоры юго-западной диалектной зоны). Д. М. Савинов эти проблемы совсем не затрагивает в своей работе, поэтому хотелось бы узнать, как он к ним относится.

Диссертация Д. М. Савинова представляет собой фундаментальное, самостоятельное и законченное научное исследование, а основные выводы, сделанные на основе подробного и тщательного лингвистического анализа диалектного материала, в значительной степени собранного самим автором, вносят существенный вклад в разработку одной из актуальных проблем русистики – становление и развитие систем вокализма в русских говорах.

Отмеченные спорные моменты и высказанные в отзыве замечания, вызванные необыкновенной сложностью обсуждаемых в диссертации проблем и возможностью разных подходов к интерпретации материала, не затрагивают сути работы и не влияют на высокую оценку диссертационного исследования Д. М. Савинова. Постановка проблемы и ее решение, глубокий лин-

гвистический анализ значительного диалектного материала показывают, что русская диалектология обогатилась актуальной и новаторской работой, автор которой несомненно достоин присуждения ему ученой степени доктора филологических наук.

В диссертации Д. М. Савинова «Эволюция систем вокализма в южно-русских говорах» выдержаны все требования, установленные в п. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК МОН Российской Федерации относительно докторских диссертаций: она является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена крупная научная проблема, имеющая существенное значение для развития теоретических представлений о формировании звукового строя русского языка.

Опубликованные монографии и статьи, а также автореферат в полной мере отражают основные положения диссертации.

Попов Михаил Борисович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка СПбГУ,
заведующий кафедрой русского языка, доцент

14 марта 2014 г.

Подпись	<i>Попов Михаил Борисович</i>
Специалист по кадрам	<i>Сидникова И. И.</i>
УДОСТОВЕРЯЮ	<i>19 марта 2014 г.</i>